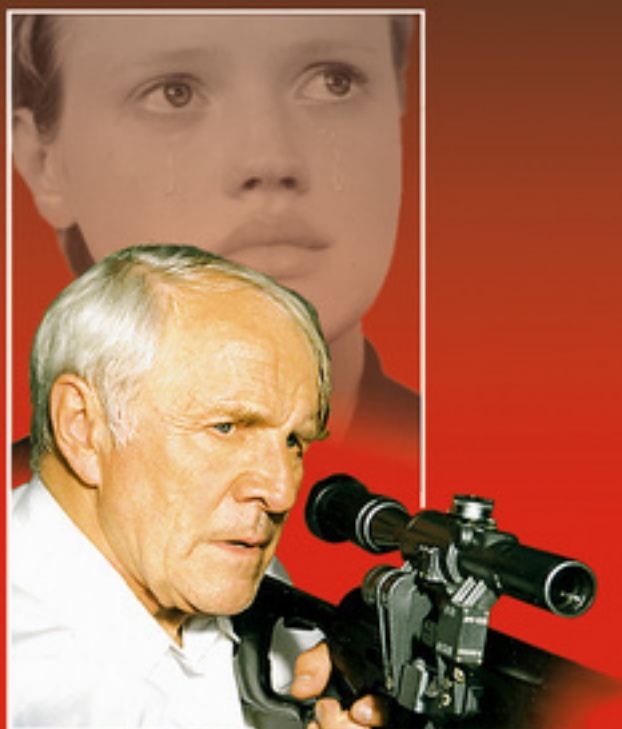

ВИКТОР
ПРОНИН
ВОРОШИЛОВСКИЙ
СТРЕЛОК

ЭКСМО

Виктор Пронин
Ворошиловский стрелок

«ЭКСМО»

1995

Пронин В. А.

Ворошиловский стрелок / В. А. Пронин — «Эксмо», 1995

Что делать, если изнасиловали единственную внучку. А насильники не понесли наказание? Есть много вариантов, но самый лучший – смыть оскорбление кровью. Именно такой вариант выбирает ворошиловский стрелок, уставший от жизни и от обид. Он берет в руки оружие... По мотивам этого замечательного романа был снят одноименный фильм, ставший шедевром отечественного киноискусства.

© Пронин В. А., 1995

© Эксмо, 1995

Виктор Пронин

Ворошиловский стрелок

Срочно куплю винтовку с оптическим прицелом, в рабочем состоянии, с патронами.

Газетное объявление 1995 года

Была среда.

Вернее, она уже заканчивалась, наступил вечер, какой-то странный вечер, когда летний дневной зной начал постепенно остывать и белый свет выжженного неба незаметно превратился в зеленоватые сумерки. Такие вечера за лето случаются не часто, но бывают. Вроде бы должен пойти дождь, но его не было, вроде бы уже должно потянуть ночной прохладой, но и она запаздывала. Метеостанции уклонялись от прямых предсказаний погоды, что-то бормотали про циклоны и антициклоны, медики предупреждали о недомоганиях, будто не знали, что недомогания случаются во всякую погоду и в любое время года, гороскопы обещали повышенную возбудимость, нервную неуравновешенность, скандалы с близкими людьми, но утешали тем, что этот день и предстоящая ночь чрезвычайно благоприятны для завязывания новых знакомств, любовных утех, и даже утверждали, что партнеры могут проявить себя с самой неожиданной, но чрезвычайно привлекательной стороны.

И еще – было полнолуние.

Чреватое время.

Маньяки, вооружившись капроновыми шпагатами, ножами, газовыми баллончиками, уходили в ночь за добычей, психи бесновались в зарешеченных палатах, стареющие женщины легко и охотно впадали в бытовую истерику, не дождавшись телефонных звонков, цветов и шампанского. А стареющие мужчины бездумно и безутешно покупали водку самого сомнительного пошиба, потрясенные тем, что юные, длинноногие существа уступали им места в троллейбусах, называли папашами, а то и в упор, просто в упор не видели.

Да, какая-то легкая, но вполне уловимая взвинченность ощущалась в зеленоватом вечернем воздухе, а когда на ясном еще небе появилась круглая, вызывающе желтая луна и медленно поднималась над городом, из полупрозрачной, невесомой превращалась в морщинистую каменную планету, наливаясь тяжестью и силой, нервозность на улицах сделалась еще более заметной.

Впрочем, далеко не все ощущали на себе эту предсказанную колдунами возбудимость. На некоторых ни жара, ни луна, ни желтовато-зеленые сумерки не действовали совершенно. А если как-то и влияли, то только в лучшую сторону. Но таких людей все радует, и всегда им хорошо – и в осенние дожди, и в зимний снегопад, и в весеннюю слякотную, ветреную погоду.

Вот и Катя, да, ее звали Катя, Катя Афонина, в этот вечер ощущала легкость и хороший такой, устойчивый душевный подъем. Так примерно чувствуют себя люди, которые вдруг получили то, на что и не надеялись, но о чем постоянно думали. О чем в наше время думают без всякой надежды на получение? Конечно, деньги. Контора, в которой Катя служила секретаршей, нежданно-негаданно разбогатела – пришло денежное перечисление от другой, такой же убогой конторы. И всем сотрудникам вручили зарплату, что бывало нечасто, но всегда вызывало у сотрудников возбужденный и какой-то нездоровый восторг, будто в самом деле с неба свалился на них мешок с деньгами. Да, эта история случилась в те времена, когда вовремя выданная зарплата становилась чрезвычайным происшествием, обсуждалась долго и подробно.

Еще утром о зарплате не было ничего известно, еще в обед начальство суеверно таилось и загадочно улыбалось, боясь поверить в случившееся, и лишь когда кассирша, суховатая, шустрая, с быстрыми глазками, проболталась, что идет в банк, что был звонок, что ведомости подписаны...

Только тогда поверили.

Впрочем, нет. И тогда еще не решались обрадоваться, сидели за своими столами, затаившись и примолкнув, будто в ожидании несчастья. Что делать, бывают случаи, когда и в радости, и в горе люди ведут себя одинаково. Всплакнуть могут, в нервный смех удариться, свалиться в блуд или в пьянство... Бывает.

В общем, выдали зарплату, выдали все-таки.

Сбежав по ступенькам на тротуар, Катя оглянулась на окна своей конторы, кому-то махнула рукой, чему-то рассмеялась и зашагала в сторону дома, помахивая пока еще пустой сумкой на длинном ремне. Глядя на человека с такой походкой, легкой, свободной, широкой, наверняка можно сказать, что он что-то напевает себе под нос, что-то проговаривает, с кем-то уже мысленно встречается. Короткая прическа, светлые джинсы, голубая рубашка мужского покроя, подкатанные рукава, опять же эта кожаная сумка, которая на ремне то улетала вперед на два шага, то, отстав, снова как бы догоняла хозяйку, все это делало Катю заметной в сумрачной, озабоченной, куда-то несущейся толпе. Редкие люди, сохранившие еще в себе способность что-то замечать вокруг, провожали Катю взглядами, в которых, присмотревшись, можно было заметить и немного восторга, и озабоченности, да чего уж там, и пришибленность была во взглядах прохожих. Дескать, и такие вот девушки на белом свете есть, да не про нашу, дескать, честь...

С наступлением сумерек вспыхнули, засветились изнутри киоски. И заморские бутылки с разноцветным зельем засверкали, заискрились на витринах новогодними лампочками, обещающая счастье, встречи, неопишуемые наслаждения. Но опытные люди прекрасно понимали, что голова от этих сверкающих напитков болит ничуть не меньше, чем от самого крутого самогона, а то и посильнее, потому что самогон все-таки лучше, чище, безопаснее, чем эти обманки. Но об этом помнили только знающие, чего они хотят от каждой бутылки, а многим же нужно было не само зелье, не хмель, гасящий будничную униженность, а эти вот золоченые нашлепки и напитки каких-то несъедобных цветов – синие, зеленые, желтые, красные. Действительно, новогодние лампочки. И такие же обманчивые.

По мере приближения к дому Катина сумка наполнялась сосисками, пельменями, хлебом. Луна, совсем недавно висевшая над городом легким воздушным шариком, постепенно сжималась, становилась меньше, но ярче и тяжелее. И чем выше поднималась, тем охотнее заглядывала на каждую улицу. А когда набрала зловещую свою полную силу, Катя уже успела войти в свой двор, и, хотя сумка потяжелела еще на два пакета кефира, походка ее оставалась такой же легкой, как бы припевающей.

Катя последнее время жила с дедом, с Иваном Федоровичем Афониним, так его звали. Родители ее, потеряв всякое ощущение времени и пространства, носились челноками между Китаем и Арабскими Эмиратами, таскали на себе неподъемные мешки со всевозможным барахлом. Похоже, они чувствовали себя в равной степени и счастливыми от неожиданно свалившейся свободы, и глубоко несчастными от бесконечных хлопот, переездов, перепродаж. Но вокруг носились по белу свету тысячи таких же челноков, и это давало им ощущение правоты, уверенности в том, что все стоящие люди сегодня стали челноками – возят ли они товар из магазина на вокзал, или из Китая в Москву, а из Москвы в Кобыляки.

Иван Федорович Афонин был красивый старик – с густыми, нависшими на синие глаза бровями, короткими седыми волосами, невозмутимый и насмешливый. Почти весь день он смотрел новости по телевизору, крикая от сообщений так, будто получал удары под дых и каждый раз с той стороны, откуда никак не ожидал. Взорвали самолет, залили землю нефтью, расстреляли наряд милиции, ограбили банк, похитили ребенка, нашли мертвую женщину, а у нее обе ладошки левые, приставленные, а голова тоже не ее, вроде мужская голова-то...

– А вот и наша Катя! – донеслось откуда-то сверху, и, подняв голову, Катя увидела на балконе второго этажа три улыбающиеся физиономии.

- Да, это она, – подхватил другой голос, – я сразу ее узнал... Да и как ее не узнать?
– Хороша-то как, господи, как хороша! – добавил третий.

Катя знала этих ребят, едва ли не каждый день сталкивалась с кем-либо из них во дворе, на ближайших остановках троллейбусов. Вадим Пашутин жил в соседнем доме, Борис Чуханов, хозяин квартиры, в которой сейчас и находились ребята, поселился здесь недавно – разбогател на перепродаже книг и купил эту двухкомнатную квартиру у окончательно обнищавшей и всеми брошенной старухи, а Игорь Зворыгин, высокий белокурый красавец, частенько заходил и к Вадиму, и к Борису.

– Здравствуйте, Катенька, – не столько сказал, сколько пропел Вадим – большеглазый, с тощеватыми усиками и каким-то гниловатым подбородком. Да, подбородок был его слабым местом – вечно красноватый после бритья, со срезанными прыщами, прижженными одеколоном. Его не мешало бы прикрыть бородой, спрятать от глаз людских, но не росла у Вадима борода, так, какие-то клочки шерсти, к тому же еще и разноцветные – белесые, рыжие, а то вдруг неожиданно черные.

– Привет! – Катя, не останавливаясь, помахала ребятам рукой, улыбнулась мимолетно и продолжала свой путь к дому.

– Катенька! – воскликнул Игорь. – Одну минутку! Очень важное дело! Подождите, я сейчас выйду!

Катя обернулась, посмотрела на балкон. Действительно, теперь на нее смотрели лишь Вадим и Борис – плотный, с массивным выстриженным затылком, коротким ежиком, маленькими глазками. Настоящий новый русский, как стали называть в последнее время торговцев, перекупщиков, проходимцев всех мастей. Катя по соседским разговорам знала, что у Бориса чуть ли не два десятка книжных лавок, разбросанных по всему городу. Нанятые им ребята торговали детективами, женскими любовными романами, порнографическими журналами, какими-то сатанинскими изданиями, по которым можно было научиться колдовать, насыпать порчу, привораживать и вообще портить людям кровь. Скупал он все это на каком-то оптовом рынке, развозил по своим точкам, увеличивая цену в несколько раз, и, похоже, неплохо зарабатывал. Разговаривать Борис мог только об одном – о том, как он купит большую красивую машину вишневого цвета. Иногда это был «Опель», иногда «БМВ», но чаще всего называл «Мерседес». Однако цвет машины оставался неизменным – вишневый. Что-то у него, видимо, было связано в жизни именно с этим цветом.

Из подъезда выбежал Игорь – высокий, чуть ли не под два метра ростом, светловолосый, с широкой улыбкой на загорелом лице, он всегда выглядел загорелым, всегда был в белой рубашке, продуманно распахнутой на груди. Частенько его можно было увидеть в шортах, и тогда каждый желающий мог по достоинству оценить стройные, сильные ноги, покрытые светлыми, выгоревшими на солнце волосами. Нет, их нельзя было назвать заросшими, но светлые волосенки так хорошо оттеняли загар молодой кожи, что...

Красивый парень был этот Игорь, очень красивый. Был. До некоторых пор.

Все трое были неплохими ребятами.

– Катенька! – проговорил Игорь, подходя к девушке. – Извините... – его открытая улыбка не могла не вызвать ответной.

– В чем дело? – спросила Катя. Без гнева спросила, скорее даже поощряюще. Дескать, чем могу помочь? Даже улыбнулась, глядя на Игоря по своей привычке чуть исподлобья. В тот вечер она еще могла улыбаться вот так бесхитростно и доверчиво.

– Катя... кошмар какой-то... Сидим... Три поганых мужика, – Игорь расчетливо употребил слова огрубленные, стараясь подчеркнуть беспросветность нынешнего вечера и в то же время дать понять, что ребята они простые, беззлобные, готовые посмеяться над самими собой, что общаться с ними легко и совершенно безопасно.

– Ну почему... Не такие уж вы и поганые...

– Поганые! – твердо заверил Игорь. – Еще какие! Представляете, Катя... День рождения!

– У кого?

– Мой день рождения! Да, был грех – выпили. Шампанского. Но что такое самое прекрасное шампанское, если пьют его три угрюмых мужика с кислыми мордами?! Паршивая пьянка, и больше ничего. А в день рождения хочется чего-то... – Игорь замялся, подбирая уместное слово.

– Светлого, – подсказала Катя.

– Вот! – обрадовался Игорь. – В самую точку! Светлого, чистого, радостного!

– Чего же вы хотите от меня?

– Зайдите, Катя! – Игорь умоляюще сложил руки на груди. – Освятите своим присутствием. На минутку... Скажите что-нибудь напутственное, пожелайте, улыбнитесь...

– Нет-нет, – запротестовала Катя. – Вы уже начали, вам уже хорошо... продолжайте без меня. Я вам желаю всего самого светлого, но... Мне пора.

– Катя! – Игорь скорчил умоляющую гримасу, прижал ладони к тому месту, где, как ему казалось, у него должно было находиться сердце. И Катя не могла не заметить, что у Игоря не только загорелая грудь, но и руки красивые – длинные сильные пальцы, ухоженные ногти, опять же загар... – Я сам доставлю вас к подъезду через десять минут. Лично! Давайте вашу сумку... Ничего, я справлюсь, донесу. Пойдемте, – заметив колебание девушки, Игорь решительно взял ее под локоть.

И Катя сдалась.

Передернула плечами, как бы снимая с себя ответственность за последствия, уступила Игорю сумку и позволила ввести себя в квартиру на втором этаже.

Выглядела квартира довольно запущенно – какие-то вещи, разбросанные на полу, перекошенная вешалка, полутемный коридор, ведущий в комнату. Не так, по Катиным представлениям, должна была выглядеть квартира, где пьют шампанское. Но что делать, в жизни нечасто случается, когда наши возвышенные представления о чем бы то ни было полностью совпадают с действительностью. На каждом шагу приходится чем-то жертвовать, с чем-то смиряться и подавлять, подавлять в себе неуместную жажду гармонии. А когда счастливые совпадения все-таки случаются, ожидания оправдываются, прозрения бывают еще более горькими, потому что эти трепетные совпадения оказываются ложными, поддельными.

Пока Игорь беседовал у подъезда с Катей, Вадим и Борис все-таки постарались придать столу какую-то свежесть – убрали пустые бутылки, поставили несколько чистых тарелок, в центре стола водрузили бутылку шампанского. Правда, она была уже открыта, хотя главное достоинство шампанского как раз в том и состоит, чтобы в нужный момент грохнуть пробкой в потолок.

– О! – радостно закричал Вадим. – Кто к нам пришел! Какие люди! Вы только посмотрите! Что у нас начнется! – Вадим продолжал выкрикивать бестолковые слова и был, похоже, в самом деле обрадован появлением Кати. Его красный подбородок, с которого, казалось, сняли недавно тонкий слой кожи, пылал, напоминая кусок свежего мяса.

Тяжелый, налитой Борис со стриженным затылком и коротким ежиком лишь бросил на Катю быстрый, вороватый взгляд и тут же снова опустил глаза, словно опасаясь, что по его глазам можно о чем-то догадаться, что-то заподозрить. Он нашел себе дело – переставлял на столе тарелки, поправил вилки, придвинул стакан к тому месту, где должна была сесть гостья.

– Среда, – негромко пробормотал он про себя. И, несмотря на явную неуместность замечания, все трое ребят живо, со значением переглянулись.

– Действительно, – кивнул Вадим, и его восторг как-то сразу померк, будто ему напомнили о чем-то важном, но тягостном.

– И в самом деле, – добавил Игорь, бросив на Катю настороженный, испытующий взгляд.

– Ребята, только давайте сразу договоримся, – начала было Катя, но Борис успел вставить словечко.

– Давайте, – сказал он, глядя в стол.

– Только пятнадцать минут, ладно?

– На каждого, – опять добавил Борис, не поднимая глаз от стола.

Шаловливо хмыкнул Вадим, широко улыбнулся Игорь.

– Как получится, Катя, как получится, – сказал он, придвигая стул. – Может быть, через пятнадцать минут вы и сами не захотите уходить? Может быть, мы так понравимся, что вы забудете обо всем остальном. А мы можем понравиться, Катенька.

– Хотя бы некоторыми местами, – добавил Вадим.

Странное ощущение вдруг охватило Катю. Она слышала слова, которыми обменивались ребята, видела их самих, немножко хмельных, неловких, что-то произносила в ответ, но в то же время все отчетливее понимала, что за столом идет еще какой-то разговор, суть которого от нее ускользала. И этот разговор ребята вели между собой, как бы обходя ее, уверенные в том, что их слова совершенно недоступны для нее.

Катя внимательно посмотрела на одного парня, на второго, но ничегостораживающего не заметила. Открытые улыбки, радостные глаза, даже восторженность была на их лицах. Про себя Катя решила, что небольшой восторженности она все-таки заслуживает. Мужские взгляды в троллейбусе, на улице, на той же службе сопровождали ее постоянно, она привыкла к ним и относилась как к чему-то естественному.

Стол получился если и не роскошным, то вполне пристойным – шампанское, апельсины, какое-то заморское печенье, купленное, скорее всего, в соседнем киоске. Вилки оказались без дела, видимо, ими пользовались до прихода Кати. Стаканы, правда, не мешало бы протереть, но их замутненность, захватанность были вполне объяснимы.

– Скажите, Катя, – неожиданно проговорил Борис, глянув на девушку из-под мясистого лба, – какой у вас любимый день недели? Если не секрет, конечно.

– Тут и думать нечего – суббота.

– Почему, Катенька? – спросил Игорь с такой заинтересованностью, будто речь шла о чем-то действительно важном.

– Ну как почему... Прежде всего, это выходной. Мало того, и следующий день тоже свободный... Нет, ребята, только суббота. Какой-то просвет впереди...

– А у нас – среда, – сказал Вадим, не дождавшись, пока Катя закончит объяснение.

– Как? У всех среда?

– Да, – кивнул Вадим, разливая вино в стаканы. – У всех троих. И только среда, – он подмигнул приятелям, дескать, мы-то с вами знаем, о чем идет речь.

– Чем же она так хороша? – спросила Катя.

– По-разному бывает... – Игорь помялся, подбирая слова. – Когда как... Сегодняшняя среда хороша, например, тем, что вы заглянули к нам на огонек. Разве этого мало?

– Ну... Вряд ли я смогу вас утешить за какие-то пятнадцать минут... – Катя улыбчиво посмотрела на всех троих.

– Как сказать, – обронил Борис, нависнув над столом. – Как сказать. – И он принялся сдирать шкуру с апельсина своими короткими толстыми пальцами. Но делал это слишком уж неумело или, лучше сказать, безжалостно – пальцы его впивались в мякоть, по ним текли струйки желтоватого сока, капали на стол. Катя отвернулась, не в силах видеть эту картину.

– Выпьем, – сказал Игорь, поднимая свой стакан. – Пусть почаще случается в нашей жизни среда. За среду!

– А за субботу не будем? – спросила Катя. Улыбка на ее лице как-то сама собой погасла, и она смотрела на ребят чуть встревоженно. Разговор шел какой-то непонятный,стораживал ее, она даже оглянулась, посмотрела в сторону прихожей, где стояла на полу ее сумка с

продуктами. Сумка была на месте, из нее торчал бумажный пакет с кефиром, и это, как ни странно, ее успокоило.

Света в комнате было совсем немного – горел какой-то ночничок, установленный в книжном шкафу. С того места, где сидела Катя, в окно хорошо была видна луна, поднимающаяся над верхушками деревьев. Вокруг нее распространялось зеленоватое свечение, оно расходилось кругами, как волны от брошенного в воду камня. Звезд еще не было, небо мерцало закатным светом. Со двора доносились крики ребятни, радостные возгласы доминошников, собравшихся вокруг стола под деревьями. Вся обстановка и в квартире, и за окном казалась совершенно безобидной. Катя выпила немного шампанского, но отставила свой стакан, почувствовав неприятный жестковатый привкус. Взяв бутылку, попыталась вчитаться в этикетку, но оно было какое-то импортное, завозное, и она поставила бутылку на стол.

– Прекрасное вино, да, Катенька? – спросил Игорь и, взяв бутылку так, что широкая ладонь полностью перекрыла всю этикетку, долил немного в Катин стакан. Ребятам он почему-то добавлять не стал. – Вам нравится? – рука его легла Кате на колено, обтянутое джинсовой тканью.

– Да, ничего, – согласилась Катя, отнеся свое недоумение к незнанию – может быть, и в самом деле именно такое вино считается хорошим. Она спокойно взяла ладонь Игоря и, сняв ее со своего колена, положила на стол.

– Жаль, – сказал Игорь, скорчив горестную гримасу.

Покончив с апельсином, Борис опять исподлобья глянул на Катю, словно примериваясь к ней, словно заранее пытаясь определить, чего от нее ждать.

– Вы, Боря, так на меня смотрите, будто осуждаете за что-то? – спросила девушка.

– Я? – удивился он. – Осуждаю? Да я восхищаюсь!

– Чем?

– Мужеством.

– Думаете, оно у меня есть?

– Наверняка. И будет еще больше.

– В каком смысле? – спросила Катя, чутко уловив второй смысл в словах.

– Катя, вы можете полностью доверять Борису! – почему-то расхохотался Вадим, и его красный подбородок сделался еще краснее, сочнее. – Он у нас сегодня вроде первопроходца... И главный удар берет на себя, но зато и лучшая добыча тоже его.

Борис усмехнулся, взял еще один апельсин, но посмотрел не на Вадима, с которым разговаривал, а на Катю, словно речь шла о ней.

– Трепло он, – сказал Борис, кивнув в сторону Вадима. – Не слушайте его, Катя. Вы меня слушайте.

– Слушаю, – улыбнулась Катя, чуть скосив взгляд в сторону своей сумки. Почему-то именно сумка казалась ей чем-то вроде опоры, от нее словно бы исходили волны надежности и покоя.

– Выпьем? – спросил Борис.

– Нет, – решительно ответила Катя. – С меня хватит. Мне пора. Большое спасибо, было очень приятно посидеть, – она сделала попытку подняться, но Игорь все с той же улыбкой успел взять ее за руку, остановить и снова усадил на место.

– Катенька! Дорогая! Вы так торопитесь?

– Тороплюсь, ребята.

– Вино в бокалах! Гусары за столом! Тост сказан!

– Никакого тоста не было!

– Ну как же, Катенька! – укоризненно произнес Игорь. – Неужели вы забыли? Не могу поверить! Конечно, за женщин!

Катя с растерянной улыбкой посмотрела на ребят, словно прося ее извинить, но рука, рука ее произвольно потянулась к стакану, подняла его.

– И только до дна! – опять расхохотался Вадим, впадая в какое-то возбуждение. – Только до дна, только до дна, – повторял он до тех пор, пока сам не поднес стакан ко рту. И он действительно выпил свой стакан до последней капли, со стуком поставил его на стол и победно посмотрел на всех. Игорь тоже выпил свое вино, но без ужимок, незаметно выпил, Борис выпил как-то тяжело, будто не вино пил, а водку. Крякнул, потянулся к растерзанному апельсину и целиком сунул его в рот. Когда он начал жевать апельсин, давить, мять языком, струйка сока вытекла из уголка рта и потекла по подбородку. Но парень не замечал ее, уставясь, по своему обыкновению, в стол.

Неожиданно резко, увидев эту струйку сока Бориса, Катя вдруг поняла, что ребята достаточно пьяны. Если они действительно до ее прихода пили шампанское, то наверняка выпили больше, чем по бутылке на брата. Но когда все трое, расправившись со своим вином, дружно уставились на нее, она не смогла отказаться и через силу выпила полстакана. И опять ее поразила неприятная жесткость вина. Пробежав глазами по комнате, она убедилась, что права в своих подозрениях – у окна, небрежно полуприкрытая шторой, стояла початая бутылка водки. «Неужели намешали?» – подумала она. Чуть захмелев, Катя решила не высказывать своих подозрений. Пришло шаловливое настроение, и единственное, на что еехватило, – это укоризненно посмотреть на ребят, дескать, мы так не договаривались.

Опершись на плечо Игоря, она поднялась и направилась в прихожую, к своей сумке, сиротливо стоявшей у самой стены. За ее спиной возникло невнятное движение, спешный неразборчивый шепот, скрежет сдвигаемых стульев. Но она не обращала ни на что внимания, решив, что уходит.

– Катя! – напряженным голосом произнес Вадим. – Остановитесь на минутку. – Да? – обернулась девушка из полумрака прихожей.

– Вы знаете, что мы подарили этому охламону Игорю?

– А что? – Она улыбнулась, предлагая сказать, что же подарили друзья. Уж если он так таинственно говорит об этом, то, наверно, подарки и в самом деле необычны.

– Это кошмар какой-то! Боря... Покажи.

Борис нескладно поднялся и, наклонив голову вперед, прошел к двери во вторую комнату, обернулся, поманил Катю пальцем, предлагая убедиться, что подарки и в самом деле стоят того, чтобы на них взглянуть. Оставив сумку на полу в прихожей, Катя с опаской подошла к двери, заглянула в комнату, но не успела ничего заметить – Борис с силой втолкнул ее внутрь, плотно закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке. Катя молча смотрела на него, зажавшись в дальний угол, – только теперь она начала понимать, почему ребята так настойчиво ее приглашали.

– Все ясно? – спросил Борис.

– Ничего не ясно!

– Раздевайся, – проговорил он каким-то будничным голосом, будто предлагал ей отойти от окна или сесть в кресло.

– Ты что, с ума сошел?! – Катя бросилась к двери, но Борис так оттолкнул ее, что девушка, пролетев через всю комнату, по инерции упала на кровать. – Я буду кричать, – проговорила она, прекрасно понимая слабость своей угрозы.

– Давай... Кричи... И не такие кричали. – Борис, не торопясь, начал стаскивать с себя штаны. Толстый зад не позволял ему сделать это легко и быстро, но он спокойно расстегнул «молнию», сбросил на пол шлепанцы. – Давай, красотка... Раздевайся. Быстрее закончим – раньше домой пойдешь.

Едва Катя закричала, Борис неожиданным ударом по лицу оборвал ее крик. И тут же, навалившись на Катю мясистым телом, так вдавил ее в мягкую кровать, что она не могла поше-

вельтесь. Просунув руку, он нащупал ремень на ее джинсах и растегнул пряжку. Катя изо всех сил извивалась под ним, пытаясь освободиться, зацепила рукой лампу, стоящую на тумбочке, и зеленый плафон мелкими стеклянными брызгами рассыпался по полу. Когда она снова закричала, Борис положил на ее лицо липкую от апельсинового сока ладонь.

Теперь Катя не могла не только крикнуть, но даже вдохнуть, и только глазами умоляла отпустить ее.

– Хорошо, – пыхтя, проговорил Борис, – дыши... Но штанишки тебе придется все-таки снять... Извини, дорогая, но сегодня мне выпало быть первопроходцем... Остальным будет легче... И дорожка протоптана, да и ты маленько успокоишься...

Пока Катя приходила в себя после удушья, Борис достаточно ловко сдернул с нее джинсы, и это как-то сразу лишило ее воли к сопротивлению. Катя все еще пыталась вырваться, выскользнуть из-под громоздкого тела Бориса, но, вдавленная в кровать, быстро теряла силы...

– Ну вот и хорошо, – бормотал Борис, – вот и молодец... Видишь, как у нас с тобой все хорошо получается... А сейчас тебе, милая, будет немножко больно... Ты уж потерпи... Совсем немножко больно... Только не надо шуметь... Такие дела в тишине делаются...

– Пусти, сволочь, – с ненавистью прошептала Катя, задыхаясь под тяжестью Бориса.

– Видишь, сколько в тебе страсти, видишь, сколько огня, – сопел Борис. – Нет, не ошиблись ребята в тебе, не промахнулись... О-о-ой, – протяжно застонал Борис, прижимаясь к ней еще плотнее. Катя услышала этот его стон, теряя сознание, уже в полузабытьи, а когда почувствовала, что Бориса рядом нет, и попыталась встать, то увидела, что в комнату входит Игорь. На лице его была уже знакомая ей радушная улыбка, полная доброжелательства, в полумраке сверкнули красивые белые зубы. Легко сняв короткие шорты вместе с плавками, Игорь отбросил их в сторону.

Вадим был третьим.

Придя в себя, Катя увидела прямо над собой его гниловатый подбородок, почувствовала какую-то беспомощную суету на ней, в ней. Она застонала, ненадолго потеряла сознание, а через некоторое время снова услышала бормотания Вадима...

– Какая среда, какая среда получилась у нас сегодня, – сипел он ей в ухо, дергаясь часто, скользко. – Придешь еще? – спрашивал он, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Придешь? И мы без этих хмырей...

Сил у Кати хватило только на то, чтобы плюнуть в его кроваво-красный подбородок, усыпанный срезанными прыщами.

– Ничего, – пробормотал Вадим. – Это я стерплю... Я много чего стерплю ради тебя, дорогая... Но и ты потерпи немножко... Совсем немножко...

Катя не помнила, как одевалась, как выходила из затемненной комнаты, как, пошатнувшись, чуть было не опрокинула стол, не видела ребят, хотя они были здесь же. Она пришла в себя уже в ванной – Игорь заботливо плескал холодной водой ей в лицо. Увидев его, узнав, Катя в ужасе отшатнулась, и это, похоже, его огорчило.

– Не надо так, – он погладил ее по волосам. – Не надо... Не произошло ничего слишком уж страшного... Все это уже бывало с людьми, опять будет... Так уж случилось, Катенька, что в эту среду высшие силы послали нам именно тебя... и ты ни в чем не виновата, и мы тоже не так уж и...

– Уйди... Дерьмо...

Держась рукой за стену, Катя сделала шаг, но от нестерпимой боли остановилась, закусила губу. Постояв несколько секунд, снова двинулась к выходу. Где-то в стороне, в освещенной комнате, смазанно мелькнули фигуры Вадима и Бориса – они смотрели на нее, и в руках у них были стаканы с шампанским. Игоря она ощущала спиной – тот шел сзади, готовый поддержать ее, если она вдруг снова потеряет сознание. В какой-то момент она чуть было не упала, схватилась за вешалку, и косо торчащий гвоздь вывалился из стены.

В коридоре на полу Катя увидела свою сумку, с недоумением посмотрела на нее, не понимая, как она попала сюда. Потом, вспомнив, взяла сумку за длинный ремень и поволокла к выходу. Игорь открыл перед ней дверь, помог спуститься на первый этаж и, убедившись, что Катя направилась к своему дому, вернулся.

Все трое вышли на балкон и в свете фонаря увидели, что Катя держится, хоть и медленно, но идет, и сил у нее достаточно.

– Дойдет, – проговорил Борис. – Она крепенькая девочка.

– У нас там еще бутылка в холодильнике, – напомнил Вадим.

– Да, – согласился Игорь. – Надо бы по стаканчику. С устатку.

И они все трое вернулись с балкона в квартиру.

Полная луна чистого желтого цвета висела над городом, но никто не замечал ее нагловатого вида, поскольку привыкли, поскольку ничего иного в ясном ночном небе и не ожидали. Некоторые, правда, поглядывали на луну с опаской, подозревая непредсказуемость ее характера, а некоторые, пребывая в трепетном состоянии безжалостной влюбленности, простодушно полагали, что луна всегда будет дарить им это состояние...

Заблуждение, глубокое заблуждение.

Просто луна до них еще не добралась, она только приучала их к своему невинному виду, сулящему так много прекрасного и возвышенного.

* * *

Катя не помнила, как добралась до дома. И потом она не смогла вспомнить, кто встретился ей у подъезда, с кем здоровалась. Осталось ощущение, что на нее оглядывались, кто-то предложил помочь донести сумку. Сцепив зубы, она шла, отсчитывая шаги и помня только об одном – ей нужно добраться. Доползти, доковылять до дому.

– Боже... Что с тобой?! – испугался старик, едва увидев внучку.

Не отвечая, Катя отшатнулась назад, закрыла дверь спиной и, только услышав, как шелкнул замок, медленно сползла на пол. Подняв голову, она безумным взглядом уставилась на старика, не то не узнавая его, не то пытаясь понять происшедшее.

– Катя! – Старик присел на корточки, взял ее голову в свои жесткие, суховатые ладони, всмотрелся в глаза. – Что случилось? Милая... Катя!

Она молча качнулась вперед, упав старику на плечо, и только тогда расплакалась. Окинув ее более пристальным взглядом, старик увидел растерзанный вид внучки, обратил внимание на рубашку, так и не заправленную в джинсы, заметил, что и ремень застегнут небрежно, не на ту дырку, помада размазана по щеке, губы искусаны в кровь...

– Кто? – спросил он тихо.

– Вадим...

– Какой?!

– Из соседнего дома... Пашутин.

– Этот красномордый? – старик сверлил Катю своими маленькими синими глазками, прячущимися за густыми бровями с такой настойчивостью, будто заранее знал, что Катя всего не скажет, что ему придется вытаскивать чуть ли не силой каждое слово. Его седые всклокоченные волосы светились под лампочкой, создавая вокруг головы серебряный ореол. – У тебя же спрашиваю – красномордый? – напористо повторил старик.

– Он... С приятелями.

– Как?! Не один?!

– Трое...

– Где?

– В соседнем доме... Там дружок его живет... – Торгаш?

– Да...

– А пошла к ним зачем?

– Заманили... – Катя впервые подняла голову и посмотрела старику в глаза. – Сказали, что день рождения... Я и зашла на минутку... Сосед все-таки... Я уже рядом была, наше окно видела...

Старик смотрел на внучку остановившимся взглядом, не зная, что сказать, о чем спросить и вообще как вести себя дальше. Его словно холодом обдало, он чувствовал, что в груди ворочается что-то злое, несуразное, угластое. Он начинал понимать, что отныне, вот с этой самой минуты, прежняя жизнь кончилась и пошла иная жизнь, с другими ценностями, с другими словами и поступками. Горестная, недобрая, неожиданная. Что ждет его, что ждет Катю, он не знал, не догадывался, но твердо и холодно осознавал – начался новый отсчет времени. Жизнь, когда они с Катей вместе ужинали, смотрели телевизор, перезванивались днем по телефону, когда он вечером выходил на балкон и высматривал ее, чтобы успеть вовремя вскипятить чайник, а она, показавшись в конце длинной дорожки, издали махала рукой, улыбалась и прибавляла шагу...

Все это кончилось.

И никогда уже не вернется.

Старик встал, помог Кате подняться, проводил ее в ванную, попридержал дверь, когда Катя попыталась закрыться.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Почти...

– Без глупостей?

– Не беспокойся, деда... Лишних хлопот я тебе не доставлю. Я уже дома.

– Тебя можно оставить одну? – хмуро спросил старик, глядя на Катю из-под нависших бровей.

– Конечно, деда...

– Ты в порядке? – повторил он.

Не отвечая, Катя похлопала его рукой по плечу, с неожиданной остротой ощутив сквозь рубашку суховатое, вздрагивающее тело старика.

– Не закрывайся... Поняла?

– Не буду...

– Чтобы ломиться не пришлось.

– Не придется... иди, – и Катя закрыла за собой дверь.

Старик остался стоять у двери. Настороженно поводя маленькими острыми глазками, он напряженно прислушивался к каждому звуку, доносившемуся из ванной. Услышал, как упали на пол джинсы, царапнув пряжкой кафельный пол, с мягким шелестом упала рубашка. Потом вода, струя воды...

– Иди, деда, иди, – донеслось из ванной. – Я не закрываюсь...

Старик остановился на пороге комнаты, оглянувшись в полнейшей беспомощности. Жизнь навалилась на него столь злобной своей стороной, столь неожиданно и непоправимо, что он попросту не знал, как поступить. Вначале бросился на кухню и, схватив топорик для разделки мяса, выбежал на площадку. Но тут же остановился и, вернувшись в квартиру, прислушался к шуму воды в ванной. Вышел на балкон, все еще сжимая в руке топорик. Отсюда хорошо была видна квартира, откуда только что вернулась Катя. Окна освещены, за шторами мелькали тени, там продолжалась своя жизнь. Значит, насильники еще там, значит, они и не считали нужным прятаться, скрываться. Значит, по их понятию, не произошло ничего особенного.

Старик вернулся в комнату, сел за стол, прижал кулаки к вискам. С силой постучал ими по голове, словно хотел встряхнуть собственные мозги, понять, что же происходит на белом свете, где он оказался, в какой стране, как жить дальше...

– О, боже, – простонал старик, горестно раскачиваясь из стороны в сторону. Взгляд его, скользя по комнате, наткнулся на телефон, прошел мимо, но тут же вернулся. Это была под-сказка, и старик, вскочив, подошел к аппарату, набрал по памяти номер.

Трубку долго не поднимали, старик тягостно слушал длинные безответные гудки, остро ощущая в них какую-то безнадежность. Но наконец в трубке щелкнуло и он услышал человеческий голос.

– Да! – в голосе было и раздражение, и любопытство – кому-то стало даже интересно узнать, кто так настойчиво ломится поздним вечером в чужой дом.

– Леша? – спросил старик.

– Ну?

– Это я, Леша...

– А, Иван Федорович! Рад тебя слышать! Что это не спится тебе по ночам?

– Зайди, Леша...

– Сейчас? – Старик услышал не только удивление, но и огорчение, досаду, нежелание сниматься с места и куда-то нестись на ночь глядя. – Ну хорошо, – неохотно протянул Леша. – Зайду, если настаиваешь... Оденусь вот только... Если настаиваешь...

– Я не настаиваю... Умоляю, – старик произнес непривычное для него слово, которое уже и не употребляется, потому что всем давно стало ясно – умолять бесполезно кого угодно о чем бы то ни было. Не откликаются люди на мольбы в наше время. Мольбы ближних только раздражают, вызывают досаду, в лучшем случае смешат.

– Хорошо, Иван Федорович... Иду, – и Леша положил трубку.

Он вошел через пять минут – участковый милиционер, сосед по подъезду, Алексей Николаевич, постоянный противник старика в домино и шахматах. Был участковый тощ, рыж, сутул и на человека смотрел пристально и требовательно, такая уж у него была работа.

– Иван Федорович, – начал он с порога, – ты меня напугал... Сижу, по телевизору «Поле чудес» показывают, какой-то хмырь отказался от миллиона рублей и выиграл яблоко... Да и то, как я успел заметить, надкушенное... Якубович его и надкусил...

– Тише, – старик приложил палец к губам и, уцепившись в рукав тренировочного костюма, в котором пришел сосед, потащил его в комнату, усадил в кресло, сам сел напротив.

– Слушаю, Иван Федорович, – растерянно пробормотал участковый. Он осторожно оглядывался по сторонам, пытаясь понять причину стариковского беспокойства.

– Значит, так, Леша... Беда. Катю только что... Это... Ну, в общем... изнасиловали.

– Что?! – вскочил участковый с кресла.

– Сядь, Леша... Я уж побегал по квартире с топориком... Да побоялся ее одну оставить...

Мало ли...

– Кто? – Леша побледнел, и его веснушки, обычно почти невидимые, проступили так ясно и четко, будто стали выступающими на лице.

– Знаешь этого торгаша, который в соседнем доме квартиру купил? На втором этаже...

– Чуханов?

– Может, он и Чуханов... И это... Два его приятеля...

– Втроем? – ужаснулся Леша.

– Они еще там, – мертвым голосом произнес старик. – Праздник у них... Свет в окнах... Их еще можно прихватить... Они даже не разбегаются, представляешь? Вроде ничего и не случилось, Леша... Это что, уже принято?

– Так, – сказал Леша, и взгляд его остановился на окне. – Так, – повторил он, барабана пальцами по подлокотнику кресла. – Так... Где Катя?

– В ванной.

– А! – досадливо крикнул Леша, ударив себя кулаком по тощей коленке, обтянутой тренировочными штанами. – Напрасно... Это плохо.

- Что плохо? Почему? – забеспокоился старик.
- Она ведь следы смывает, Иван Федорович.
- Какие следы?
- Да эти вот самые... Ты что, не понимаешь? На экспертизу бы ее... Документ будет, доказательство... Другой разговор начнется...
- Что же ей так и таскать в себе эту бандитскую сперму? – вскричал старик, но тут же прижал ладонь к губам, опасливо оглянувшись на ванную.
- Ладно... Разберемся. – Острые, угластые желваки быстро-быстро забегали под кожей участкового. – Значит, так, Иван Федорович... Слушай меня внимательно.
- Слушаю.
- Никуда из дома не выходить. Катю не выпускать. Сидеть на месте и ждать.
- Чего ждать-то, Леша?
- Меня жди. Понял? И звонить никуда не надо.
- Не буду.
- Когда Катя выйдет из ванной, пусть сядет и напишет заявление. Подробнее, обстоятельнее, понял?
- Леша... Ты бы видел, в каком виде она пришла... Она не сама пришла, ее бог привел... Какие заявления, какие подробности... Выжила бы... – И вдруг неожиданно старик разрыдался, прижав негнувшиеся пальцы к глазам.
- Ну, – Леша совсем растерялся. – Иван Федорович... Нельзя же так... Все обойдется...
- Леша, – старик глянул из-под бровей мокрыми синими глазами, – Леша... Они не только ее... понимаешь? Они и меня изнасиловали. Вот сижу перед тобой, а у меня щеки горят... Я ведь изнасилованный, Леша, ты можешь это понять?!
- Понял, Иван Федорович. – Леша поднялся. – Все понял. Все, как есть. Ты только не сомневайся. Сиди дома и жди меня.
- И, не добавив больше ни слова, участковый выбежал из квартиры.

* * *

Участковый знал Катю давно, выросли в одном подъезде. Он был лет на десять старше, но это не мешало им и поныне перемигиваться, пересмеиваться при встречах. И то, что произошло в этот вечер, потрясло Лешу ничуть не меньше, чем старика.

Он остро ощутил уязвленность, будто и ему нанесли смертельное оскорбление. В конце концов, он был участковым и, как бы ни относился к своим обязанностям, криминальных проявлений на своем участке допустить не мог. Выбежав из квартиры Афониных, он некоторое время метался, не зная, что предпринять – забежать ли домой и надеть форму, или сразу броситься в отделение? А может, к машине? Решение принял единственно правильное – забежал домой, но не для того, чтобы переодеться, а за ключами от машины. И, не отвечая на недоуменные вопросы жены, бросился вниз, к «жигуленку».

Отделение милиции было в двух кварталах, и он входил в дежурную часть уже через пять минут. Его все тут хорошо знали, и разговор с ребятами не затянулся. Прошло совсем немного времени, и его «жигуленок», набитый милиционерами, уже мчался в обратную сторону. Руководство операцией по задержанию насильников взял на себя капитан Кошаев – невысокий светловолосый крепыш, у которого от постоянной готовности действовать, кажется, навсегда установилось какое-то стремительное выражение лица.

- Значит, так... определимся, – капитан еще в машине начал давать указания. – Если эти мудаки окажутся на месте, тут же, не теряя ни секунды, разгоняем их по отдельным комнатам...
- Там столько комнат не будет, – вставил Леша.

– Будет! – твердо сказал капитан. Он, похоже, никогда не испытывал сомнений и колебаний. – Одного в ванную, второго в туалет, третьего на кухню, четвертого...

– Четвертого нет, – быстро сказал Леша.

– Тем лучше. Повторяю – по отдельным помещениям и тут же! Ясно? Тут же – вопросы, допросы, признания, протоколы... При малейшем сопротивлении, недоумении – по морде. Ясно? По морде. Не поможет – по яйцам. И еще – наручники. До всех вопросов. До! – Кошаев поднял указательный палец. – Человек в наручниках – это уже не совсем человек. Он сразу чувствует себя на скамье подсудимых.

– Не всегда, – опять перебил капитана Леша.

– Я говорю не о нормальных людях, Леша. Я говорю о подонках, которые даже бабы себе найти не могут, которые скопом на девчонку готовы навалиться... вот для них наручники – первое отрезвляющее средство.

– Приехали, – сказал Леша и, остановив машину, первым выскочил на тротуар. Не оглядываясь, он бросился к подъезду, за ним устремились остальные. Взбежав на второй этаж, все остановились у двери, обитой коричневым дерматином.

Капитан осмотрел свое воинство, вынул пистолет.

– Давай, – сказал он Леше.

И тот нажал кнопку звонка. Некоторое время за дверью стояла тишина, потом кто-то осторожно приблизился к дверному «глазку». Леша снова нажал на кнопку звонка, хорошо представляя себе, как раздражающе громко звенит он там, в квартире.

– Кто? – раздался наконец вопрос.

– Свои, – ответил капитан.

– Свои все дома.

– Открывай! Милиция!

– Милиция после шести вечера не имеет права...

Капитан не стал дожидаться, пока глумливый голос закончит перечислять его права, и дважды выстрелил в замок. Но дверь не открывалась, хотя пулями начисто вывернуло замок из слабоватой кленовой двери.

В квартире раздалась суматошная голоса, которые можно было истолковать как согласие открыть дверь, но капитан, не раздумывая, двумя выстрелами выворотил из гнезда и второй замок. Когда дверь под напором нескольких человек рухнула внутрь, милиционеры в глубине квартиры увидели трех парней, которые, кажется, из последних сил старались сохранить невозмутимость.

* * *

Вадим попытался было что-то объяснить Леше о правах милиции в ночное время, но участковый, не слушая, ткнул в его красный подбородок. Голова Вадима дернулась, его отбросило к стене, а когда он выровнялся, на запястьях у него уже поблескивали наручники.

– Что происходит? Что случилось? – плачущим голосом, озираясь по сторонам, спрашивал Вадим. Он, видимо, хотел увидеть своих друзей, чтобы как-то определиться, получить поддержку, но никого из них рядом не оказалось.

– Отвечаю! – крикнул капитан Кошаев, с силой толкая Вадима на стул. – По поступившим сведениям, в этой квартире совершено опасное преступление – изнасилована девушка. В данное время она дает показания, пишет заявление. Кто, кроме тебя, участвовал в изнасиловании? – спросил капитан напористо, так, словно преступление самого Вадима уже доказано.

Вадим начал пожимать плечами, попытался было развести руки в стороны, но наручники помешали сделать этот недоуменный жест. Да и капитан пресек все его попытки протянуть время.

- Отвечать! – гаркнул он в лицо Вадиму. – Кто организатор? Ты все это затеял?
- Да нет, почему именно я...
- Кто? Тот длинный?
- Никакого насилия... Все по доброму согласию... Она сама не возражала...
- Ясно. Изнасилования не отрицаешь!
- Неужели вы думаете...
- Ты! Мудак! Мне нечего думать. Теперь уже ты думай. И советую, давай показания по доброму согласию. Алексей! Составляй протокол. Один уже сознался.
- Я не сознался, я только сказал...
- Ну! Слушаю тебя! Что ты сказал, что все было по доброму согласию? Одна невинная девушка с тремя такими битюгами по доброму согласию? Да тут корова взвояет!
- Видите ли, капитан, – рассудительно начал Вадим, но Кошаев не пожелал его слушать.
- Почему вешалка сорвана? Почему лампа в спальне разбита? Почему битая посуда в комнате на полу? Откуда кровь на кровати? Это доброе согласие? Все. Хватит трепаться. Факт установлен. Участники задержаны. Признания получены. Алексей, пиши протокол. Этот красномордый уже созрел. Подпишет.
- А если не подпишет? – нервно усмехнулся Вадим.
- Тогда я с его яйцами сделаю то же, что и с дверными замками! Понял? – гаркнул капитан в лицо Вадиму с такой силой, что тот отшатнулся, ударившись затылком о стену.
- Между прочим, я могу и не отвечать на вопросы без адвоката, – неосторожно произнес Вадим, когда капитан уже направился к выходу из кухни.
- Что? – резко обернулся он и снова приблизился к Вадиму. – Алексей, ты слышал? Задержанный оказывает сопротивление. Ты видел, как яростно он сопротивляется? Видел?
- Видел, – кивнул Алексей. – Очень яростно. Он просто бросался на работников милиции с кухонным ножом. И только счастливая случайность и профессиональное мастерство позволили группе захвата избежать жертв.
- Капитан с уважением посмотрел на Алексея, который так быстро сообразил, что нужно ответить, даже голову склонил к плечу, слушая те слова, которые ему сейчас больше всего требовались.
- Ты слышал? – с улыбкой спросил он у Вадима. – Тебе только что зачитали строчки из протокола, который ты подпишешь. Ведь подпишешь?
- Ни за что! – выкрикнул Вадим. Он хотел еще что-то произнести, но мощный удар по лицу отбросил его к стене, а едва он выровнялся, капитан снова послал его в угол.
- Ишь какой свирепый! – проговорил Кошаев врасстяжку. – Ишь какой злобный! Да он просто псих какой-то... Это же тот самый сексуальный маньяк, которого мы так долго ловили... Алексей! Глянь в окно!
- А что там? – не понял Алексей.
- Полнолуние! С этими психами при полной луне происходят страшные превращения. Ты читал ориентировку про маньяка, который питается женскими грудями? Вот он! Перед тобой! – капитан выбросил вперед руку так, что его указательный палец уперся Вадиму в переносицу. – Они едят отрезанные груди сырыми, так что кровь течет по подбородку! Алексей! Ты посмотри на его подбородок! Он же весь в кровянице!
- Это не я, – пробормотал Вадим. – Вы меня с кем-то путаете.
- А потом, когда луна скроется за горизонтом, они, видите ли, ничего не помнят.
- Катя сама ушла... Ничего мы у нее не откусывали...
- Только трахали?
- Д... да.
- Алексей! Пиши!

И, не задерживаясь больше на кухне, капитан решительными шагами вошел в комнату, где допрашивали Бориса. Этот держался крепче хныкающего Вадима, сидел насупившись, на милиционеров поглядывал настороженно, но без боязни.

– Так, – произнес капитан, подходя. – Один уже дал показания. Признался во всем и протокол подписал. А ты?

– А что я? – усмехнулся Борис. Его тяжелая налитая фигура, взгляд исподлобья, мощная выстриженная шея, выпирающий живот создавали впечатление непокорности.

– Ты признаешься?

– В чем?

– В изнасиловании. – Капитан, отвечая на вопросы Бориса, начинал терять терпение.

– Не понимаю, о чем вы говорите...

В ответ капитан, не раздумывая, со всего размаха влепил такой мощный удар Борису в лицо, что того передернуло.

– Нарушаете, гражданин начальник. – Борис сплюнул кровавую жижицу на пол. – Нехорошо.

– А что хорошо?

– Всегда можно договориться по-человечески.

– Так, – протянул капитан. – Что же тебе мешает договариваться с людьми по-человечески?

– Ничто, в общем, не мешает...

– И ты показал, как это делается на практике, да?

– Ну, зачем так, капитан...

– Ха! – крикнул Кошаев. – Новые русские! Молодые, хваткие, решительные... Надежда и опора страны!

– А почему бы и нет? – спросил Борис. И в ответ получил еще один удар.

– Красномордый все на этого валит, – пояснил капитан милиционеру, который стоял рядом. – Он у них организатор, вдохновитель и главная ударная сексуальная сила. Вон хряк какой! Брюхо нажрал... составляй протокол. Я вижу, он и в самом деле тянет на главаря.

– Ничего не буду говорить и ничего не подпишу, – сказал Борис.

– Совсем ничего не скажешь? – улыбнулся капитан.

– Совсем.

– И не подпишешь?

– Ничего, – Борис зло глянул на капитана.

– Очень хорошо, – неожиданно согласился Кошаев. – Можешь оставить его в покое. Не надо ничего спрашивать. Никаких вопросов, никаких протоколов. Сунем на сутки в камеру к уголовникам, но им надо сказать, что, дескать, насильник, девочку изуродовал... Они его всю ночь трахать будут во все дырки, которые только смогут обнаружить. Я смотрю, жопа у него прямо бабья... Для уголовничков будет просто подарком, а наутро его передадут в соседнюю камеру, выменяют за пару бутылок водки...

– Вы что это, серьезно? – побледнел Борис.

– И главное – по закону, – с улыбкой ответил капитан, – и по справедливости. Ты должен знать, что чувствовала девочка, когда удовольствие получал. Все, с этим ясно. Пойду посмотрю, как там долговязый вертится на крючке у правосудия.

– Товарищ капитан, – жалобно протянул Борис, только сейчас, видимо, осознав опасность, которая нависла над ним.

– Слушаю, – обернулся Кошаев.

– Ну, разберитесь вы... Нельзя же вот так...

– Как? Ты решил заговорить? Может быть, и протокол подпишешь?

– Ну... Если он будет соответствовать действительности... Почему и не подписать...

– Сейчас сюда доставим девочку, проведем очную ставку, запишем ее показания, запишем твои возражения, если таковые будут, сопоставим с показаниями остальных членов банды...

– Да какой банды, товарищ капитан! – взмолился Борис. – Ну, собрались ребята, ну, шампанского выпили...

– Вот и я о том же! Сейчас шампанское пьют только бандиты и их любовницы!

– Ну, не так уж я и виноват...

– А как ты виноват?

– Посидели, поговорили...

– Девчонку трахали?

– Понимаете...

– Я задал вопрос! – заорал Кошаев. – А ты, мразь поганая, сучий потрох, обязан на него отвечать. Если отвечать не желает, то через полчаса будешь в камере. Там о твоей жирной заднице давно мечтают. Человек двадцать в камере... На всех нарах перебиваешь.

– Я же не отказываюсь...

– А я задал вопрос. Было?

– Ну... было.

– Все трое?

– Да...

– Кто первый?

– Понимаете...

– Повторяю вопрос... Кто первый?

– Ну... Ребята сказали... Иди ты...

– Кому сказали? – бесконечно терпеливым голосом произнес капитан Кошаев.

– Мне...

– И ты пошел?

– Пришлось...

– Бедный... Как же он страдал! – Кошаев посмотрел по сторонам, призывая милиционеров в свидетели. – Я же сказал – главарь. Так и оказалось. Ты сколько вешишь? – неожиданно спросил он у Бориса.

– Что? – не понял тот.

– Повторяю вопрос для идиотов... Твой вес? В килограммах.

– Ну... Восемьдесят семь... Может быть, девяносто...

– Ясно. Центнер. Алексей! – крикнул Кошаев в сторону кухни. А когда из двери выглянул участковый, спросил: – Сколько весит, по-твоему, эта девочка... Потерпевшая?

– Да на сорок пять потянет... С сумкой.

– Представляете картину? – Кошаев снова всех обвел гневным взглядом. – Представляете, что делал на ребенке этот вонючий центнер с яйцами?

– Она, между прочим, была уже... – начал было Борис, но Кошаев не дал ему закончить.

– Заткнись, дерьмо! Там вся простыня в крови! Это что, твоя кровь? Отвечай на вопрос!

– Я же не гинеколог, капитан, – попытался свести все к шутке Борис, но капитан проявил твердость.

– Ты им станешь. Обещаю. Пишите протокол, а потом повезем всех на экспертизу. Они же еще члены не успели отмыться, хряки вонючие.

И Кошаев прошел в спальню, где с некоторой вольностью, забросив ногу на ногу, сидел в низком кресле Игорь и терпеливо, с явной снисходительностью, объяснял старшине, что он ни в чем не виноват, что только стечение странных обстоятельств вынудило его... Не говоря ни слова, Кошаев с силой поддал красивую загорелую ногу Игоря.

– Сидеть прилично! – гаркнул он сознательно громко, сразу ломая тихую задушевную беседу.

– Не понял, – улыбнулся Игорь, но ногу все-таки подтянул поближе к сиденью кресла.

– Сидеть прилично! – снова заорал капитан и изо всей силы поддал вторую ногу Игоря.

– Мне кажется, капитан, – начал Игорь с некоторым вызовом, – что ведете вы себя несколько...

– Что?! – Кошаев приблизился к самому лицу Игоря. – Что тебе кажется, мудака недоделанный? А ну повтори!

– Прежде чем так говорить...

– Ну? Ну? – поощряюще прошипел Кошаев. – Ну?

– Надо разобраться... Дело в том, что...

– Дело в том, что твои сраные поделщики уже дали показания. И подписали протоколы. Из них следует, что главный преступник ты, пидор позорный! Ты заволок девчонку в квартиру! Ты затеял все это дело! Ты! – и, схватив Игоря за нос, капитан с такой силой сжал его, что из глаз парня потекли слезы.

– Вы ответите! – сумел выкрикнуть Игорь, но мощная пощечина, которую влепил Кошаев, не дала ему возможности продолжить предупреждения.

– Пока отвечать будешь ты. Кто затащил девчонку в квартиру? Отвечать!

– Вы взяли, капитан, так круто, что, право же, я затрудняюсь...

– Затрудняешься? – ласково улыбнулся Кошаев. – Помогу. Сейчас твои мозги обретут необходимую ясность. Только что я пообещал твоему толстожопому приятелю отправить вас на ночь в камеру к уголовникам.

– Ну и что?

– Не возражаешь?

– Если у вас есть такие права... Пожалуйста.

– А ты знаешь, что делают уголовники с такими красавчиками, как ты? С такими вот красавчиками, которые попадают на изнасилованиях? Знаешь? Сначала они их полотенцем попридушат, чтоб не очень сопротивлялись, чтоб тело приобрело нужную мягкость, податливость, женственность. А потом трахают. По очереди. Вся камера человек из двадцати. Отказываться у них не принято. А когда все насытятся вами, сволочами, то передадут в другую камеру... А там тоже несколько десятков крутых ребят, истосковавшихся по женской ласке. Ты даже не представляешь, каким станешь любвеобильным к концу первой недели... И это уже на всю жизнь, красавчик. Это уже навсегда.

– Вы этого не сделаете, – в полной растерянности пробормотал Игорь. – Вы этого не сделаете...

– Почему? – поинтересовался капитан.

– Это жестоко.

– Да? В самом деле? Тогда скажи мне, пожалуйста, ответь, будь добр, сучий ты потрох...

Откуда взяли эти кровавые пятна на простыне? Как они появились?

– Я здесь не хозяин... Это квартира Бориса...

– Так, начинаем валить друг на друга. Не переживай, – перебил Кошаев, заметив, что Игорь опять хочет возмутиться. – Ты не первый. Твои поделщики уже успели все на тебя свалить. Говорят, если бы ты не затащил девчонку в квартиру, то вообще ничего бы не было... Старшина, – повернулся капитан, – созвонись с ребятами... Пусть приготовят камеру... Чтob она была достаточно населена, чтоб там уже ждали любовных ласк и готовились...

– Вы этого не сделаете...

– Только так! – отрезал Кошаев. – Только так. А дальше мне уже будет совершенно неинтересно, сколько вам дадут, будет ли суд, отпустят ли вас на свободу, может быть, даже президентские награды выдадут, с некоторыми это случается... Вы свое уже получите. Паскуда, –

прошипел капитан самое страшное ругательство, которое только подвернулось в этот момент. – По сколько раз трахнули девчонку?

– По одному...

– Ты первый?

– Нет... Борис.

– Ты второй?

– Да.

– Старшина! Пиши протокол. И этот хряк зловонный готов дать чистосердечные показания. А я пошел за соседями. Такие важные для суда показания лучше закрепить понятами. Там уже вся площадка забита народом, есть из кого выбрать.

* * *

Когда капитан вышел на площадку, люди, собравшиеся из соседних квартир, расступились, и он увидел, что по лестнице поднимается полковник милиции. Кошаев озадаченно крутанул головой, удивился, но самообладания не потерял.

– Что происходит? – негромко спросил полковник. Его пухловатое лицо было румяным, гладко выбритым, надушенным. Капитан явственно уловил запах сильного одеколона, который распространялся от полковника.

– Задержали насильников.

– Сколько их?

– Трое.

– Трезвые?

– Почти.

– Пройдемте, – сказал полковник и первым шагнул в квартиру. Когда капитан вошел следом, он поставил на место искореженную выстрелами дверь, отгородившись от толпы на площадке. – Кто эти трое? – спросил полковник негромко.

– Хозяин квартиры Борис Чуханов, Игорь Зворыгин... Не то студент, не то спортсмен... И Вадим Пашутин, сосед. Где-то рядом живет.

– Так, – озадаченно проговорил полковник и протянул капитану руку. – Познакомимся... Пашутин, Николай Петрович.

– Очень приятно, – напряженно ответил капитан, пожимая большую, плотную, надушенную руку. – Капитан Кошаев.

– Так, – полковник не знал, видимо, с чего начать. – И что же они... Сознались?

– Да, – охотно ответил капитан, и в его голосе прозвучало удовлетворение, хотя он сразу понял, что означает совпадение фамилий у полковника и одного из насильников. – Составлены протоколы, – он заговорил громче, привлекая внимание мелькнувшего в дверях старшины. – Все протоколы преступники подписали. И понятые тоже заверили, – капитан яростно подмигнул старшине – не теряй времени, поторопись.

Старшина тут же исчез.

И через минуту-вторую протоколы, до этого момента еще не законченные, были задержанными подписаны. А понятые... Понятым можно потом все объяснить, и они подтвердят показания насильников. Насильников нигде не любят.

– Быстро работаете, – проговорил полковник с легкой досадой.

– Стараемся. – Капитан расчетливо стал в проходе так, что полностью перегородил выход в комнату, и полковник не только не мог пройти мимо, он даже не видел того, что происходит в квартире. А капитан не торопился освобождать проход, вроде бы для того, чтобы иметь возможность поговорить с гостем без свидетелей. Капитан сразу догадался, что полковнику

свидетели не нужны. Кошаев понимал, что не зря появился здесь полковник Пашутин, но, не выдержав затянувшейся паузы, все-таки спросил:

– А вы-то как узнали о происшествии? Догадались? – Капитан улыбнулся, пытаясь смягчить последнее, неосторожно сорвавшееся слово.

– Соседи позвонили, – холодно ответил полковник. – Они знают моего кретина... И тут же позвонили... Вы тут такую стрельбу устроили, – полковник кивнул в сторону изуродованной двери, – что они просто в ужас пришли.

– Не хотели открывать, – пояснил капитан. – Были подозрения, что у них там еще жертвы оставались...

– И что же? Нашлись?

– Нет, – капитану не понравился вопрос полковника, какая-то в нем издевка прозвучала, снисходительная усмешка. – Были только эти трое. Полупьяные, достаточно наглые, очевидно, уверены в безнаказанности, – нашел и капитан возможность уколоть неожиданного гостя.

Полковник понял намек, усмехнулся. – Дерзите, капитан.

– Виноват, – капитан покорно вытянул руки вдоль тела, склонил голову.

– Да ладно... – полковник махнул рукой. – Что намерены делать? – он явно тянул время, не зная, как поступить, капитан это видел. Задача полковника была для него ясна – освободить, забрать домой сына. Но насильников трое, а настаивать на освобождении всех полковник не мог. Слишком громким оказалось задержание – у подъезда собралось не менее полусотни жителей окрестных домов, возбужденных, нетерпеливых, готовых на скорую расправу. И вот так просто выйти с сыном и увести его...

Нет, это уже было невозможно.

– Доставим по назначению, – ответил Кошаев. – Пусть переночуют, подумают, сны посмотрят... А утром ими займется следователь. Так примерно.

– В отделение доставите?

– Даже не знаю, – слукавил капитан. – Помещение у нас... Сами понимаете...

– Ясно. А если попрошу доставить их все-таки в отделение? Ведь это в вашей власти?

– Некуда, товарищ полковник! Не укладывать же их на ночь в кабинете начальства...

– Под скамьями переночуют... А? – Полковник прекрасно понял затею капитана – отправить насильников на ночь в тюрьму, а уж там они свое получают.

– Жестко будет под скамьями-то, – усмехнулся капитан.

– А может, столкнемся?

– Ну что ж, – Кошаев не хотел так быстро сдаваться. – Позвоните дежурному по городу, объясните положение... Если поступит такое указание... Нет проблем.

– Пойдите мне навстречу, капитан, – Пашутин дружески похлопал Кошаева по плечу. – Вам зачтется.

– Хотите посмотреть? – спросил капитан, чтобы не отвечать на слова полковника, уйти от обещания. Он быстро взглянул в сторону комнаты, увидел стоящего в дверях участкового. Тот был в тренировочном костюме, и, может, поэтому полковник не обратил на него внимания, решив, что разговор с капитаном понятен только им двоим. – С протоколами все в порядке? – спросил Кошаев, выделив слово «все».

– Да, документы оформлены.

– Покаялись?

– Очень сожалеют о случившемся... Бес, говорят, попутал... Хотя...

– Ну-ну? – поощрил капитан участкового. – Что еще?

– Есть основания полагать, что у них здесь каждую среду происходит нечто подобное.

– Что значит подобное? – резко спросил полковник, первый раз дав понять, что он здесь тоже не случайный человек. – Вы хотите сказать, что они каждую среду кого-то насилуют?

– В той или иной мере.

– Говорите яснее!

– Есть банные дни, – улыбнулся Леша, почувствовав поддержку капитана. – В некоторых конторах установлены библиотечные дни... И у этих среда была женским днем. Или, лучше сказать, днем сексуальных утех.

– Они так сказали? – спросил полковник.

– Ну... Они выражаются иначе... Но именно в этом признались. Как это бывает... Один неосторожное словечко обронил, второй подтвердил, третий уже подробнее... Кстати, именно Пашутин и рассказал о среде.

– Да? – недобро глянул полковник на участкового. Будто заранее зная, где сейчас находится его сын, он, не колеблясь, свернул на кухню. В его неторопливости чувствовалась уверенность человека, который привык поступать по-своему, который знал, что он имеет право поступать так, как считает нужным.

На пороге кухни Пашутин остановился. Вадим сидел у газовой плиты, сложив на коленях руки, сцепленные наручниками. Увидев отца, вскочил, попытался улыбнуться, но удар отцовского кулака бросил его на пол. После этого пощечины капитана должны были ему показаться почти ласковыми. Хныкая и размазывая рукавом кровь на лице, Вадим поднялся.

– Вообще-то избивать задержанных не положено, – улыбаясь, проговорил капитан. – Но в воспитательных целях, в исключительных случаях, в порядке родственного общения... Не помешает. С моей стороны нет возражений.

– Ну что, сынок... Прекрасно провел вечер? – спросил Пашутин негромко, он, похоже, вообще никогда не поднимал голос. – Получил удовольствие?

– Батя! Да если бы ты знал эту шалаву...

– Катя – шалава? – тихо спросил участковый, остановившийся в дверях. – Я правильно тебя понял?

– А что? – с вызовом ответил Вадим, но продолжить не успел – нога отца, словно сама по себе, дернулась вперед, в самый пах Вадима. Удар, видимо, достиг цели, тот вскрикнул как подстреленный и, схватившись скованными руками за пораженное место, рухнул на кухонный пол.

– Отдай мне его, капитан, – попросил полковник. – Ты не накажешь его сильнее...

– Берите, – легко согласился Кошаев. – Если вам удастся провести его через толпу у подъезда... Там не только гневливые старушки, там, как я успел заметить, стоят и ребята, которые запросто могут оторвать ему яйца.

– Вы думаете? – с сомнением проговорил Пашутин. – Как же нам поступить...

– Есть еще одна проблема... что делать с теми двумя? Они же первыми начнут строчить жалобы во все концы... Сами знаете, как бывает в таких случаях. На вашего и валить будут... Дескать, одного вытащили, спасайте и нас...

Полковник крикнул досадливо, отвел назад ногу для еще одного удара, но сдержался, повернулся к капитану.

– Как же быть?

– Ну как... Если очень уж настаиваете, можете забрать... Но тогда напишите расписку.

– Какую расписку? – опешил Пашутин.

– Обыкновенную... Форма свободная. Я, такой-то и такой-то, пользуясь предоставленным мне правом, забираю насильника Вадима Николаевича Пашутина для содержания в домашних условиях. Обязуюсь по первому требованию предоставить вышеупомянутого насильника органам правосудия в целостности и сохранности... Дата, подпись, должность... Так примерно, – капитан смотрел ясными невинными глазами.

– Шутите? – Глаза полковника сузились, и без того румяное лицо налилось кровью, пухлые щеки еле заметно задрожали от сдерживаемого гнева.

– А вы? – спросил Кошаев.

– Ты не прав, капитан, – тихо произнес полковник. – И я постараюсь доказать тебе это. Ты не прав.

Нескладно повернувшись, полковник споткнулся о скомканный коврик, пересек прихожую и, отодвинув сломанную дверь, вышел на площадку. Люди опять расступились перед ним. Пашутин молча спустился на первый этаж, вышел из подъезда. Наклонив голову, ни на кого не глядя, он направился к своему дому.

Некоторое время все молчали, потом участковый, не выдержав, тронул Кошаева за локоть.

– Куда повезем?

– Куда, куда... В отделение.

– Ты же хотел их к уголовникам подселить!

– Мало ли чего хотел... – раздраженно ответил капитан. – Попросил человек, надо откликнуться... Что спрашиваешь, сам понимаешь. Ты вот что, – капитан поднял голову, – в этих домах всех знаешь... Найди надежных понятых, таких, чтоб не дрогнули, чтоб выдержали давление, а давление будет... И пусть подпишут наши протоколы. Дескать, сами слышали, как насильники признавались в совершенном преступлении, калялись... Ну, и так далее. Протоколы должны быть железными.

– Понял, – кивнул Леша.

– Этого полковника я встречал в городском управлении... Знаю его немного. Сынка своего в беде не оставит. Все рычаги задействует.

– Нисколько не сомневаюсь.

– И это... Девчонке помоги составить заявление. Чтоб грамотно было, убедительно... И от своего имени бумагу напиши. Перед тем, как в отделение доставить, я на экспертизу схожу. Пусть и там напишут, где их члены побывали в этот вечер.

Пройдя на кухню, Кошаев столкнулся с затравленным взглядом молодого Пашутина.

– Вы это... Не отправляйте домой... Он меня уберет...

– Ох-хо-хо, – вздохнул капитан. – Если бы я был уверен в этом, то сам отвел бы тебя к родителю. И пусть бы он убивал тебя всеми доступными способами. Главное, чтоб добился своего.

* * *

Старик проснулся рано, едва начало светать. Какое-то время лежал неподвижно, глядя в потолок, но постепенно события прошлого вечера начали как бы просачиваться в его сознание. И вдруг он вспомнил все, что произошло накануне. И словно какая-то сила подбросила его с кровати.

Он сел, осмотрелся по сторонам.

Прислушался.

Из-за двери доносились приглушенные звуки, он даже не смог определить, что это, откуда. Старик вышел из своей комнаты и только тогда заметил, что кровать Кати пуста. Он бросился в прихожую – сумка висела на месте. И снова до него донесся слабый, невнятный шум. Он осторожно прокрался к ванной – там шелестели струи воды, разбиваясь о целлофановую штормовую штору.

– Катя, – позвал он.

И, не услышав ответа, постучал.

– Здесь я, – послышался голос Кати. – Не беспокойся...

– Ты что, всю ночь там просидела?

– Почти.

– Выходи, хватит тебе плескаться, слышишь?

– Сейчас, – ответила Катя. – Сейчас выйду.

Отойдя от ванной, старик направился на кухню, включил газ, поставил на огонь чайник. Заглянув в холодильник, убедился, что на завтрак есть все, что требуется, – два пакета кефира, пачка пельменей, творог, масло.

– Ну и слава богу, – пробормотал старик, подходя к окну. В предзвездном сумраке невдалеке темнел серой громадой дом, в котором и произошли вчера печальные события. Даже сейчас старик остро почувствовал, что само здание стало ему ненавистным. – Убийцы, – прошептал он. – Самые настоящие убийцы... Они убили прежнюю Катю, убили меня...

Старика охватило ощущение непоправимости беды. Угнетенность была настолько сильной, будто не просто пострадал, а умер самый близкий человек, а он, Иван Федорович, остался один на земле, отныне и навсегда один...

Давно закипел чайник, и струя пара заполнила всю кухню, холодное окно покрылось капельками воды. И только тогда старик спохватился, выключил газ.

Поспешно, чуть ли не воровато, вышла из ванной Катя и, наклонив голову, прошла в свою комнату. Толкнув за собой дверь, отгородилась от старика. Он уже заметил эту ее новую привычку – она отгораживалась от него, не смотрела в глаза, старалась побыстрее прошмыгнуть мимо. Это была разительная перемена – Катя всегда была спокойной и улыбчивой.

Сам того не заметив, старик глухо простонал, направился было к Катиной комнате, но на полпути остановился, вернулся на кухню. Он не знал, что ей сказать, как приободрить.

– Катя! – крикнул он. – Чай!

– Иду, – ответила Катя, но из комнаты не вышла.

Старик заварил чай, ополоснул чашки, поставил на стол сахар, нарезал хлеба, вынул из холодильника масло. Простыми, неторопливыми действиями он пытался заглушить в себе непрекращающийся жалобный вой. Не будь дома Кати, и старик бы завыл, протяжно, негромко, со звериной тоской. «Ведь знал, что творится в городе, все знал, дурак старый, – казнил он себя. – Что бы тебе выйти, встретить, проводить домой... Нет, с балкона ручкой махал... Дома хался...»

Да, старик во всем случившемся винил себя. Единственное, что давало слабое утешение, – насильники получают по заслугам. «Но Катя, – простонал он, – Катя...»

– Чай стынет! – опять громко напомнил старик. Он почти кричал, стараясь заглушить в себе непрекращающийся скулеж.

– Деда... Пей без меня.

– Что так?

– Не могу... Ну не могу, – Катя вышла из комнаты и, подойдя, прижалась к его суховатому, но сильному еще плечу. – На себя в зеркало смотреть не могу, – прошептала она сквозь слезы. – Противно.

– Ну это ты напрасно, – без большой уверенности проговорил старик. – Чего не бывает... Мало ли...

– Нет сил, понимаешь?

– На работу пойдешь?

– Не хочу.

– Надо как-то объяснить...

– Говорю же – нет сил.

– Уволят...

– Пусть.

– А знаешь, – старик отстранился и посмотрел Кате в глаза, – я вот сейчас вспомнил...

У нас же на третьем этаже врачаха живет, хорошая врачаха, здороваается всегда...

– Ну и что?

– Пусть она выпишет тебе что-нибудь... Больничный лист какой-нибудь, справку... На неделю, а?

– Не надо. Придется все рассказать...

– Ничего не придется рассказывать. И так уж весь дом знает, – неосторожно сказал старик и тут же пожалел, ругнул себя за болтливость.

– Весь дом?! – отшатнулась Катя.

– А как же? Милиция приехала, дверь высаживали, по замкам из пистолета стреляли... когда этих бандюг увозили, чуть ли не сто человек собралось... Все сходили, на вывороченную дверь посмотрели, руками пощупали, внутрь заглянули... У них, оказывается, это не первый скандал, и раньше случалось кое-что. Не так круто, конечно, но случалось...

– Что же теперь, мне и из дома нельзя выйти?

– Почему нельзя? Можно. Вместе выйдем.

– Пальцем будут показывать, деда!

– Пусть попробуют! Я им эти пальцы быстро повыверну!

– Расспрашивать начнут... – Катя все еще стояла, прижавшись к старику, и перед ее остановившимся взглядом, кажется, проносились картины вчерашнего вечера. – Он и говорит мне... А сейчас, говорит, милая, тебе будет немножко больно...

– Пожалел, выходит, – обронил старик.

– Посочувствовал.

– Все-таки схожу к врачу... Сюда звать не буду, попрошу, чтоб она без тебя выписала больничный лист.

– Не сможет. – Катя отошла, присела к столу. – Она же не по нашему участку.

– Сговорятся, – заверил старик. – Свои люди... Ее выручат, она выручит... Всем жить надо.

– Я не пойду на работу, – сказала Катя, помолчав. – На себя глаз поднять не могу, не то что на людей. Может быть, попозже... когда-нибудь.

– Ты вот что, – голос старика окреп, в нем прозвучали даже металлические нотки. – Нечего вперед заглядывать. Как будет, так и будет. Ясно? Пока ты дома, спешить никуда не надо, на поезд не опаздываешь. Скажи мне вот что... Тебе врач нужен? Тебе...

– Нет, что ты! – испуганно вскрикнула Катя.

– Подумай. Я бы позвал... Пусть бы наша соседка с третьего этажа заглянула, а? Она как раз по вашим делам. Ты уж скрепись как-нибудь, поговори с ней, расскажи, что там и как... Подожди, не перебивай. Не для себя, для меня это сделай.

– Как для тебя? – не поняла Катя.

– А вот так. Я же себе потом не прошу, если что-то неладно будет... И я должен знать, что сделал все возможное, ни от чего не уклонился, ничем не пренебрег... Поняла? Спать не смогу, если врачиха меня не успокоит. Я и так не знаю, что сказать твоим, когда они из этих Эмиратов вернутся с барахлом, будь оно трижды проклято!

Катя поднялась, прижалась к тощеватым плечам старика, обхватив его руками, словно в последней надежде, в последней попытке спастись.

– Так я пойду?

– Ну... иди, – выдохнула она и, наклонив голову, скользнула в свою комнатку.

Соседка уже собралась на работу, уже одетой застал ее старик у вешалки, но, когда она увидела его, взглянула в затравленные глаза, сразу поняла, в чем дело.

– Иду, Иван Федорович... Сейчас прямо и зайду.

Халат она надела уже в прихожей, шагнувшего было за ней старика молча развернула и, подтолкнув в сторону кухни, зашла к Кате. Ее не было почти час, и все это время старик сидел на кухонной табуретке, зажав ладони в коленях, и тихонько подвывал от беспомощности,

от невозможности что-то сделать. А едва услышал, как открылась дверь Катиной комнаты, бросился к врачу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.